нашей любви к ней? Может, наша верность и любовь ко всему родному и есть сама Русь, Россия? Ведь нельзя же не признать, если взглянуть строго, что той Руси, которая существовала исторически, ныне уже, как ни желай и как ни жалей, нету!.. А может, она все же есть и ныне такая, какой была, только нами пока не увиденная...» [7, с. 281].

Литература

1. *Васильев, К.* Избранное: Стихотворения, эссе / К. Васильев. – Ярославль, 2003.
2. *Гинзбург, Л.Я.* О лирике / Л.Я. Гинзбург. – М., 1974.
3. *Киселева, Л.* Христианство русской деревни в поэзии Николая Клюева / Л. Киселева // Православие и культура. – Киев, 1993. – № 1. – С. 59 – 76.
4. *Кулешов, В.В.* Славянофилы и русская литература / В.В. Кулешов. – М., 1876.
5. *Прокушев, Ю.Л.* Сергей Есенин. Образ, стихи, эпоха / Ю.Л. Прокушев. – М., 1975.
6. *Роднянская, И.* О новом атеизме / И. Роднянская // Вопросы литературы. – 1991. – № 8. – С. 55.
7. *Романов, А.* Искры памяти / А. Романов. – Вологда, 1995.
8. *Рубцов, Н.М.* Видения на холме / Н.М. Рубцов. – М., 1990.
9. Художественное слово. Временник литературного отдела НКП. – М., 1921. – Кн. 2.

УДК 821. 161.1

Г.Н. Лозовая
Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент В.И. Чудинова

«СИСТЕМНЫЙ БРЕД» КАК СПОСОБ САМОИДЕАЛИЗАЦИИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «ЧЕРНЫЙ МОНАХ»

В статье рассматриваются формы бреда, образующие бредовую систему главного героя повести А.П. Чехова «Черный монах». Галлюцинации А.В. Коврина классифицируются как «системный бред» с точки зрения патопсихологии.

Бред, бредовая система, галлюцинация, психопатология, интеллект, А.П. Чехов, «Черный монах».

The article considers forms of delusion, forming the delusional system of the main hero of Chekhov's «The Black Monk». A. V. Kovrin's hallucinations are classified as «system delusion» in terms of pathopsychology.

Delusion, delusion system, hallucination, pathopsychology, intelligence, Anton Chekhov, «The Black Monk».

Повесть «Черный монах» (1894), по признанию исследователей, – одно из самых загадочных и «непрочитанных» произведений А.П. Чехова. К осмыслению и интерпретации образов, мотивов, художественной организации повести в разное время обращались В.Б. Катаев, З.С. Паперный, М.Л. Семанова, И.Н. Сухих, С.В. Тихомиров, А.П. Чудаков и другие чеховеды. Однако глубина и неуловимость смысла, некая таинственность образа «черного монаха» и породившей его болезни главного героя, Андрея Коврина, по-прежнему притягивают исследовательское внимание.

Повествование начинается с сообщения о болезни магистра философии Андрея Васильевича Коврина, который «утомился и расстроил себе нервы» [5, VIII; с. 226]. Чтобы избавиться от нервного расстройства, он прожил три недели в уединении в родовой Ковринке, после чего отправился в деревню к знакомым. Здесь, в саду Песоцких, который произвел на магистра «сказочное впечатление», и начинают происходить его ирреальные встречи с незнакомцем – черным монахом.

Абсурдность, ненормальность подобной ситуации изначально сознает сам Коврин. После первой встречи с черным монахом он подавляет в себе сильное желание рассказать о нем Тане и Егору Семеновичу, потому что те наверняка «сочтут его слова за *бред*», и решает «лучше промолчать» [5, VIII; с. 235]. Коврин понимает, что если «этого странного сверхъестественного монаха видел только он один, то значит, он болен и дошел уже до *галлюцинаций*» [5, VIII; с. 235]. Это открытие вначале испугало магистра, но очень скоро он успокоил себя: «…мне хорошо, и я никому не делаю зла; значит в моих галлюцинациях нет ничего дурного…» [5, VIII; с. 235].

Галлюцинация – видение, обман, получившее объяснение в науке как «ложное ощущение чего-либо, не существующего в действительности» [5, VIII; с. 235]. Их появление может быть вызвано наличием у человека какого-либо психического заболевания (например, шизофрении), или заболевания головного мозга (такого как височная эпилепсия или инсульт); кроме того, галлюцинации могут возникнуть после приема некоторых лекарственных веществ или в результате сильных эмоциональных переживаний человека [3, с. 145]. Характер видений бывает различным, они могут быть приятными и неприятными. Галлюцинации Коврина приятны, потому что черный призрак говорит ему об его исключительности, избранности, превосходстве над другими людьми.

Культивирование образа «величайшей гениальности» Коврина началось со слов Тани Песоцкой: «Вы ученый, *необыкновенный* человек» [3, с. 145].

Речи черного монаха, попав на уже подготовленную почву, подогревают в магистре это убеждение. Когнитивная психология определяет гениальность как способность формировать конкретную устойчивую цель, для достижения которой существует множество путей.

Утомление, по заключению врачей-психотерапевтов, часто влечет за собой не только эмоциональное перенапряжение и депрессивные состояния, но и расстройство умственной и мыслительной деятельности человека классифицируемое как бредовая идея. В современном толковом словаре дается следующее толкование понятия «бред»: «**Бред** – 1. Бессознательное состояние больного, сопровождающееся бессвязной, бессмысленной речью. 2. *Мед.* Симптом психического заболевания – расстройство мыслительной деятельности» [4, с. 55]. Определение, данное в медицинском словаре, близкое, но более обстоятельное: «**Бред** (*delusion*) – не соответствующее действительности убеждение, которое невозможно изменить с помощью рациональной аргументации. При психических заболеваниях бред часто проявляется в виде ложных убеждений в том, что: человека преследуют другие люди, он обладает очень большим могуществом, его действия постоянно контролируются другими или он является жертвой физического заболевания [3, с. 145].

Андрей Коврин знает, что монах – галлюцинация, но не воспринимает навязчивые видения как нечто чужеродное своему состоянию, он принимает «правила игры» черного монаха, хотя знает все, что сказал и еще скажет ему призрак.

Рассказывая Тане Песоцкой легенду о черном монахе, магистр не осознает, что его «расстроенные нервы» формируют зачатки болезненного состояния: «Но удивительнее всего, – засмеялся Коврин, что я никак не могу вспомнить, откуда попала мне в голову эта легенда. Читал где? Слышал? Или, быть может, черный монах снился мне? Клянусь богом, не помню. Но легенда меня занимает. Я сегодня о ней целый день думаю» [5, VIII; с. 233].

Подобное состояние человека нельзя определить как формирование психических автоматизмов, так как при таком формировании должна существовать определенная последовательность, которой в состоянии чеховского героя не наблюдается. К тому же, основным показателем психических автоматизмов являются «странные мысли», принадлежащие словно кому-то другому. Обычно такое состояние проявляется посредством осознания «чужого голоса в голове»: «Мысли чужие. Говорит кто-то во мне». В болезни Коврина нет подобных проявлений.

Андрей Васильевич одномоментно «оживляет» свою галлюцинацию, при этом пытаясь придать ей реальную составляющую, но его мысли и чувства все больше и больше подчиняются власти черного монаха. Начинает формироваться бредовая идея. Бредовые идеи – это возникающие на болезненной почве неверные, ложные мысли, не поддающиеся коррекции ни путем убеждения, ни другим каким-либо способом [1, с. 37].

В современной психопатологии разработаны различные классификации форм бреда.

Одна из классификаций основана на учете содержания бредовых идей. С учетом содержания можно выделить три группы бредовых идей: персекуторные, экспансивные и депрессивные бредовые идеи.

1. Персекуторные бредовые идеи: бред преследования, бред физического воздействия, бред отравления, бред ограбления, бред ревности и т.д.

Ярким показателем наличия у магистра Коврина персекуторной бредовой идеи и является галлюциноз, состояние, характеризующееся преобладанием галлюцинаций при отсутствии формальных признаков помрачения сознания.

И действительно признаков помрачения сознания у Андрея Васильевича Коврина не наблюдается, в момент первого появления черного монаха Коврин как и прежде много работает, его суждения логичны и обоснованны. И магистр осознает, что черный монах – это всего лишь галлюцинация.

2. Экспансивные бредовые идеи (переоценка своих возможностей, общественного положения, происхождения, здоровья, внешних данных): бред величия, бред могущества, бред бессмертия, бред богатства, бред изобретательства, бред высокого происхождения, бред реформаторства и т.д.

Переоценка собственной ценности и идеальность, самовозвеличивание личности становятся для Коврина первой ступенью к формированию разрозненного бреда в систему: «То, что говорил черный монах об избранниках божиих, вечной правде, о блестящей будущности человечества и проч., придавало его работе особенное, необыкновенное значение и наполняло его душу гордостью, сознанием собственной высоты. Раз или два в неделю, в парке или в доме, он встречался с черным монахом и подолгу беседовал с ним, но это не пугало, а, напротив, восхищало его, так как он был уже крепко убежден, что подобные видения посещают только избранных, выдающихся людей, посвятивших себя служению идее» [5, VIII;с. 246 – 247].

3. Депрессивные бредовые идеи (пониженная оценка своих возможностей, состояния здоровья, общественного положения, внешности): бред самоумаления или самоуничижения, бред самообвинения, ипохондрический бред, бред греховности, бред обнищания и т.д. [1, с. 37].

Каждая из данных групп бредовых идей может быть так же дополнена бредом отношения, синсетивным бредом, бредом особого значения или бредом двойников. При симптоме положительного двойника больные считают, что незнакомые лица с известной, чаще всего враждебной целью принимают облик родственников или знакомых людей. При симптоме отрицательного двойника, напротив, родные и знакомые воспринимаются чужими, но «подделывающимися под родных». При симптоме Фреголи больные утверждают, что одно и то же конкретное лицо способно полностью или частично изменить свою внешность с тем, чтобы не быть узнанным [1, с. 48].

С прогрессированием болезни у Коврина проявляется «симптом отрицательного двойника»: «Присутствие людей, особенно Егора Семеныча, теперь уже раздражало Коврина, он отвечал ему сухо, холодно и даже грубо и иначе не смотрел на него, как насмешливо и с ненавистью, а Егор Семёныч смущался и виновато покашливал, хотя вины за собой никакой не чувствовал» [5, VIII; с. 251].

Иная классификация бредовых форм основана на клинических составляющих. Среди клинических форм бреда В.А. Жмуров выделяет первичный (примарный) или истинный бред. Первичный бред классифицируется на «бредовые мысли» и «бредовое восприятие» [1, с. 37].

В развитии бредового восприятия различают три фазы (или три этапа). При протекании первой фазы «объекты воспринимаются как странные, загадочные, имеющие особое значение, однако больной еще не знает, какое именно. Во второй фазе объекты воспринимаются как имеющие непосредственное отношение к личности больного: «это не случайно, а связано со мной». При третьей фазе бредового восприятия переживается «особое отношение» происходящего к больному, объекты приобретают особое бредовое значение, предстают измененными в своей сущности [1, с. 37].

Первая фаза бредового восприятия для Коврина наступает в момент первого появления черного монаха; вторая – Андрей Васильевич соглашается с черным монахом и избегает мысли о том, что это всего лишь галлюцинация; третья фаза возникает как момент отчуждения и неприятия своего сумасшествия: «Теперь я стал рассудительнее и солиднее, но зато я такой, как все: я – посредственность, мне скучно жить… о, как же вы жестоко поступили со мной! Я спрашиваю, кому это мешало?» [5, VIII; с. 251].

На основе классификации В. А. Жмурова Ефим Курганов в статье «Интерпретация бреда и бред интерпретации» выделяет три основных типа бреда: 1) бред осколочный, фрагментарный, наполненный запутанными ассоциациями, способный к затуханию и периодическим всплескам; 2) бред паранойяльный, системный, внутри себя всегда последовательный, но вместе с тем невозможный, не корректируемый опытом; 3) бред параноика [2, с. 13].

Паронойяльный бред может быть сформирован человеком со здоровой психикой.

Паранойяльный бред определяется как первичный систематизированный бред разнообразного содержания (ревности, изобретательства, преследования, реформаторства и т.д.), нередко существующий как единственный определяемый симптом.

Необходимо отметить, что бред, который способен вырасти в систему, нуждается в памяти, умении аргументировать, устанавливать связи между явлениями и событиями. Очень часто такие связи нереальны, фантастичны и неопределяемы. Человек, который формирует бредовую систему, пытается придать ей повышенную логичность. Более того, чем выше степень невозможности бредовой системы, тем более она должна казаться убедительной и точной, особенно в деталях [2, с. 14].

Бредовая система имеет непосредственное отношение к интеллектуальной деятельности. У людей с высокоразвитым интеллектом бывают сколь угодно фантастические и невероятные бредовые идеи. Критическая способность не ликвидируется, а ставится на службу бреду. Чтобы верно понять бредовую идею, исключительно важно освободиться от предрассудка, будто она должна коренится в слабости разума. Любая зависимость от последней носит чисто формальный характер. Если после некоторого бредового переживания личность, находящаяся в полном сознании <…> продолжает придерживаться бредового представления, которое все остальные признают именно таковым. В случае бредовой идеи речь идет об ошибочном представлении на уровне «материала», тогда как формальное мышление остается нетронутым [6, с. 133].

«Материалом» в случае Коврина является его непрерывная изнурительная потребность в работе и самосовершенствовании: «В деревне он продолжал вести такую же нервную и беспокойную жизнь, как в городе. Он много читал и писал, учился итальянскому языку и, когда гулял, с удовольствием думал о том, что скоро опять сядет за работу. Он спал так мало, что все удивлялись; если нечаянно уснет днем на полчаса, то уже потом не спит всю ночь и после бессонной ночи, как ни в чем не бывало, чувствует себя бодро и весело» [5, VIII; с. 232].

Создателя бредовой системы, может быть, в той или иной степени характеризует расстройство психики, но не умственное расстройство. Причем за пределами этой системы он может быть совершенно нормален. Но все, что оказывается втянутым в водоворот системы, приобретает резко бредовые очертания [6, с. 499]. Бред, в особенности в форме бредовой системы, представляет собой целостный, связный мир, целостную систему поведения личности с нормальным рассудком, которую во всех остальных отношениях, согласно общепринятым стандартам, отнюдь не приходится считать больной [6, с. 499].

Намеренно вызывая у себя галлюцинации, Андрей Васильевич Коврин все больше обогащает свою бредовую систему деталями, которые формируют окружающую его реальность, заменяя ее мифом: «Едва он вспомнил про легенду и нарисовал в своем воображении то темное привидение, которое видел на ржаном поле, как из-за сосны, как раз напротив, вышел неслышно, без малейшего шороха, человек среднего роста с непокрытою седою головой, весь в темном и босой, похожий на нищего, и на его бледном, точно мертвом лице резко выделялись черные брови. Приветливо кивая головой, этот нищий или странник бесшумно подошел к скамье и сел, и Коврин узнал в нем черного монаха. Минуту оба смотрели друг на друга – Коврин с изумлением, а монах ласково и, как тогда, немножко лукаво, с выражением себе на уме» [5, VIII; с. 241].

Итогом выстраивания Ковриным бредовой сис-

темы становится сначала самоидеализация и ощущение себя богочеловеком, а затем низвержение идеала: «Коврин теперь ясно сознавал, что он – посредственность, и охотно мирился с этим, так как, по его мнению, каждый человек должен быть доволен тем, кто он есть» [5, VIII; с. 256].

Таким образом, желая изобразить, по его собственному признанию, «манию величая», А.П. Чехов, поразительно соединив медицинские знания с художественным талантом, показал истоки и последствия духовного кризиса личности, охваченной маниакальной идеей превосходства, избранничества.

Литература

1. *Жмуров, В.А.* Психопатология / В.А. Жмуров.– М., 2002. – Т. I.
2. *Курганов, Е.* Интерпретация бреда и бред интерпретации / Е. Курганов // Семиотика безумия.– Париж; М., 2005.
3. Медицинский словарь (Oxford) / под ред. проф. Г.Л. Билича.– М., 2001. – Т. 1.
4. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – М., 2004.
5. *Чехов, А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / А.П. Чехов. – М., 1974 – 1983.
6. *Ясперс, К.* Общая психопатология / К. Ясперс. – М., 1997.

УДК 81’37

А.С. Москалева
Научный руководитель: кандидат филологических наук Н.А. Спицина

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ В ДОКУМЕНТНЫХ ТЕКСТАХ ЧАРТЕРОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена исследованию лексической синонимии в документных текстах чартеров на английском языке в функционально-прагматическом аспекте. Семантическое представление ситуаций означивания синонимичными лексемами способствует правильной интерпретации употребления синонимов.

Лексическая синонимия, ситуация означивания, документный текст, интерпретация.

The article is devoted to investigation of lexical synonyms in document texts of Charter Parties in English in terms of functional and pragmatic aspect. The semantic conception of the situations, which are designated by synonyms, enables to correct interpretation of lexical synonymy in the document text.

Lexical synonymy, situation of designating, document text, interpretation.

Развитие современного языкознания характеризуется повышенным интересом к изучению лингвистических особенностей современной документной коммуникации, знаковую основу которой составляет документный текст. Под *документным текстом* (ДТ) принято понимать «функционально, содержательно, структурно и нормативно завершенное речевое единство, скрепленное модальностью, являющееся производной от функционально-нормативных условий документной коммуникации и соответствующее унифицирующим или стандартизирующим правилам [5, с. 22 – 23].

Возросший интерес к документным текстам обусловлен тем, что стремительное развитие информационной среды и международного сотрудничества требует осознанного владения законами организации, оформления и интерпретации содержания коммуникации людей определенной социокультурной общности. Данное требование является одним из важных в сфере коммуникации торгового мореплавания – отрасли производства, которая предоставляет обществу транспортные услуги и обеспечивает его потребности в перевозках.

Морской транспорт не создает вещественный продукт. Тем не менее, он создает стоимость в результате перемещения товаров из районов производства в районы потребления и ведет к имущественным отношениям. Документом, регулирующим правоотношение сторон при аренде судна с целью перевозки груза в профессиональной деятельности международного торгового мореплавания, является *чартер*. От правильного понимания и толкования содержания данного документа зависит коммерческие результаты рейса.

С позиций лингвистики чартер является унифицированным письменным речевым произведением в подстиле морского юридического языка. Структурно чартер представляет собой документ, состоящий из бланка с заполняемыми данными и второй части, выраженной документным текстом. Бланковая часть чартера содержит технические характеристики судна, а документный текст отражает базовые статьи (clauses) контракта на отфрахтование судна для перевозки груза.

ДТ чартера уникален: с одной стороны, это инструкция, содержание которой представляет собой